

4. Информационные сводки ОГПУ. 1924 // Гос. арх. обществ. организаций Гомел. обл. (ГАООГО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2431.
5. Материалы о регистрации религиозных обществ по Гомельскому округу. 1928–1929 // ГАГО. – Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 176.
6. Слесарев, А. В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953) : биограф. справ. / А. В. Слесарев. – Жировичи : Изд-во Минс. духов. акад., 2017. – 339 с.
7. Деникин, А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 / А. И. Деникин. – Минск : Харвест, 2003. – 464 с.

УДК 373.167.1

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ В МЕНТАЛЬНОСТИ СЛАВЯН

Л. И. Грошева, И. Л. Грошев

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова,
Российская Федерация*

И. А. Грошева

*Филиал Автономной некоммерческой организации высшего образования
«Институт деловой карьеры» в Тюменской области,
Российская Федерация*

Рассмотрена специфика социальной дистанции славянского населения относительно тюркских, иранских и африканских народов. Проанализированы особенности разграничения допустимости межличностного взаимодействия с точки зрения идентичности или дифференцированности культурного кода. Отмечены базовые различия в восприятии русскими и белорусами представителей исторически и культурно отдаленных национальных групп.

Жизнь в условиях пандемии претерпела ряд существенных изменений, которые так или иначе характеризовались наличием ограничений в сфере мобильности, коммуникаций, реализации трудовых и досуговых интересов. В разрезе межнационального взаимодействия свою роль сыграло превалирование интернет-коммуникаций и информирования, которое в большинстве случаев выступило в качестве единственного диверсифицированного источника информации.

Проблема интернет-пространства в сфере формирования конструктивной системы межнационального сотрудничества заключается в ряде негативных тенденций, характеризующих риски развития мультикультурного общества.

1. Сообщения, касающиеся описания этнических групп, зачастую не характеризуются комплексным подходом и представляют собой дискретные признаки или отличительные черты, которые не всегда понятны читателю вне контекста (обряды кражи невесты и прочее). Данный факт стимулирует сторонних читателей составлять представление о народах на основе сегментированных данных и конструировать стереотипическое представление о качестве и характере культурного кода.

2. Сообщения политической направленности, касающиеся военных конфликтов и противостояний, склонны соотносить преступность или терроризм с представителями определенных национальных групп, проживающих на описываемой территории (курды, афганцы и т. д.). Ввиду интенсификации внимания к отдельным группам негативная коннотация текстов логически распространяется на всех представителей этноса вне зависимости от места их проживания и профессиональной деятельности.

3. Этнические сообщества открытого типа, использующие исключительно национальный язык без соответствующего перевода на общедоступную лексику, оказывают интеграционное воздействие внутри группы, однако в ряде ситуаций их материалы интерпретируются в массовых сообществах искаженно и в ряде случаев служат источником межнациональных конфликтов в информационном поле. В большинстве случаев подобная ситуация обусловлена техническими ошибками перевода, однако гипотетически возможно намеренное конструирование смыслов, коррелирующих с установками заинтересованных субъектов [2, с. 170].

Необходимость противодействия возможному манипулированию обусловлена постоянным развитием средств информационного обмена, что несет в себе не только положительный потенциал для взаимного ознакомления культур, но и угрозу роста националистических настроений как среди мигрантов, так и в сообществе коренных групп населения.

Отмеченные проблемы зачастую усугубляются наличием конкретных установок у национальных групп, соответствующих их представлениям о собственном народе и «иных» представителях. Если представления доминируют над реальной оценкой конкретных индивидов, то результатом данного явления станет формирование устойчивых стереотипов, на борьбу с которыми должна быть направлена одна из управленческих функций руководителя.

Национальный (этнический) стереотип в большинстве случаев представлен обобщенным образом собственной и «чужой» этнической общности и включает в себя упрощенное знание о привычках в поведении, традициях и психологических особенностях представителей каждого конкретного народа [1, с. 849].

Основа стереотипа в отношении национальности представлена примитивным восприятием национальных специфических черт через ряд упрощенных признаков, которые, как правило, не способны дать объективное представление о ее представителях. В отдельных случаях это приводит к тенденции усиления мотивации этнических групп активно обозначать и преувеличивать свою значимость относительно окружающих путем присвоения своей группе абсолютизированных положительных качеств, что формирует диспропорции в получении благ и реализации возможностей [3, с. 48]. Поверхностные представления о национальной специфике как собственной, так и «чужой», могут стать причиной развития этноцентризма, а при условии политизации межнациональных отношений будут являться стимулом для формирования националистических настроений.

Анализ качества коммуникации между представителями национальных сообществ и внутри микрогрупп производился на основе предположения о разности в уровне доверия, построенном на наличии коммуникативного опыта, предустановок и стереотипов.

Таким образом, оценка по методике Э. Богардуса (с применением методики обработки Н. Паниной) была произведена авторами в марте–ноябре 2020 г. отдельно для каждой национальной группы из восьми отобранных для исследования ($N = 400$, по 50 представителей в каждой национальной группе: русские, белорусы, татары, казахи, киргизы, таджики, афганцы, представители Центральной Африки). В системе оценок также присутствовала и собственная национальность для определения нулевого или исходного значения идентичности, а также вероятности наличия внутренних предустановок дистанцированности.

Пилотажной группой для исследования выступила микрогруппа русских, так как получение обратной связи от испытуемых было в наибольшей мере освобождено от различных стереотипических и коммуникативных барьеров. Как пилотажная, так и непосредственная отработка инструментария показала идентичные результаты.

Относительно группы русских оправдалось ожидание наиболее приемлемого отношения к собственной группе и к представителям славянского сообщества (оценка русских и белорусов находится в категории идентичности до 2,5 балла – позиция «брат»). Это подтверждает незначительную социальную дистанцию внутри славянской группы, что вызвано как схожестью культурного кода, так и общим языком, привычками и образом жизни. В поле открытости были включены такие национальные группы как татары, казахи, киргизы (оценка в категории открытости до 5 баллов – позиция «друг»). Следует подчеркнуть, что указанные тюркские группы преимущественно исповедуют ислам, что накладывает на национальный фактор и проблемы межконфессионального взаимодействия. Национальная изолированность (позиция «чужой») характерна в отношении представителей народов Африки, что, однако, говорит о наличии относительного принятия значительно отличающейся культуры. Крайняя степень враждебности, выражающаяся в склонности к ксенофобии у русских представителей, проявляется по отношению к афганскому населению, что может быть вызвано военной спецификой публикуемых сообщений об афганском сообществе и историческим опытом взаимодействия.

Национальная группа белорусов также продемонстрировала восприятие русского населения как идентичного собственным представителям (показатель до 2,5). Данные показатели в том числе коррелируют со стереотипическими установками «братских» народов у обеих национальных групп. Однако следует отметить, что их уровень открытости ниже соответствующего показателя у группы русских (оценка русских в восприятии белорусов составила 2,1 балла, в то время как русские отметили белорусов как более желательных представителей – 1,8 балла). Подобная разница в целом незначительная, однако она предполагает более закрытый уровень коммуникаций в среде белорусских представителей.

В группу открытости 2,5–5 баллов были отнесены татары и казахи, которые рассматриваются с позиции «друга» и в целом воспринимаются положительно как в ходе общения, так и в процессе совместного выполнения задач. В то же время в диапазон потенциальных врагов белорусы отнесли значительную часть исследуемых представителей. Если киргизы и представители Африки в представлении опрошенной группы могут выступать в качестве соседей по государству, но на условиях национальной изолированности, то таджики и афганцы рассматриваются как более реальная угроза, что послужило причиной наибольшего уровня дистанцированности. Граждане Афганистана попадают в категорию крайней ксенофобии, что должно быть учтено при формировании многонациональных коллективов.

Исследование показало, что в среднем славянские группы характеризуются высоким уровнем принятия национальных групп, которые ввиду исторических условий находились в достаточно тесном контакте в различных сферах деятельности. Среди русских представителей высок уровень принятия коренных групп в региональном разрезе государства, в то время как белорусы также наиболее положительно нацелены на национальности, сотрудничество с которыми характеризуется устойчивыми показателями. Мультикультурный состав России оказал влияние на качество социальной дистанции его населения. По этой причине русские проявляют больший уровень доверия к тюркским группам, однако в то же время ввиду миграционных особенностей настороженно рассматривают представителей иранских сообществ. Негативные установки относительно представителей Афганистана в целом обусловлены военным опытом взаимодействия, которое раскрывается в рамках изучения истории в учебных заведениях. Однако в большей мере стереотипические представления основаны на особенностях трансляции образа посредством современных СМИ. В рамках дополнительных вопросов шкалы афганское сообщество у русских и белорусов ассоциируется с военными

действиями, терроризмом и транспортировкой наркотических веществ, что по мнению респондентов чаще всего упоминается в новостных сводках.

Несмотря на преимущественно конструктивные результаты оценки социальной дистанции, было диагностировано наличие ряда стереотипических установок, которые нуждаются в системной коррекции. Институционализация информирования, сотрудничество с национальными сообществами, а также противодействие распространению неверифицированных данных являются основными задачами системы гражданского контроля, построенного на взаимной поддержке населения и специализированных государственных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васин, С. М. Особенности адаптации персонала многонациональной организации / С. М. Васин, Ю. Е. Прохорова // КЭ. – 2017. – № 8. – С. 847–853.
2. Иванов, В. В. Гармонизация межнационального общения как фактор стабилизации регионального социума на Северном Кавказе / В. В. Иванов // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 8 (50). – С. 169–171.
3. Степанова, Е. А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа / Е. А. Степанова. – М. : Права человека, 2001. – 272 с.

УДК 94(476.2)«1943–1945»:343.35

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ БССР 1943–1945 ГОДОВ: «ПАРТИЗАНСКИЙ ВЕКТОР»

С. А. Елизаров

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Раскрываются вопросы кадрового обеспечения местных органов советской государственной власти на освобожденных от нацистской оккупации белорусских территориях. Отмечается, что в условиях дефицита управленцев главным источником руководящих кадров были бывшие партизаны, не имевшие необходимого опыта управленческой работы в мирных условиях. По мере прибытия из частей Красной Армии и тыловых районов СССР руководителей с довоенным опытом только небольшая часть партизанских кадров сохранила свои должности.

По мере освобождения от нацистской оккупации на белорусских землях возродалась партийно-государственная властная вертикаль в ее довоенном виде. Прежде всего необходимо было решить кадровую проблему – подобрать работников на основные руководящие должности районного и областного звеньев: председателей, их заместителей, секретарей, заведующих отделами исполкомов.

За годы войны в составе группы управленцев областного и районного уровней прошли значительные изменения, ограничившие возможности их использования на прежних должностях после освобождения Беларуси: из 39 довоенных председателей облисполкомов и их заместителей 11 ушли в Красную Армию, 3 – выполняли спецзадания в тылу врага, 15 находились в распоряжении ЦК КП(б)Б, 7 работало в восточных областях СССР, 3 – погибли. Из 223 председателей городских и районных исполкомов 70 ушли в Красную Армию, 43 выполняли спецзадания в тылу противника, 39 находились в резерве ЦК КП(б)Б, 20 работало в восточных областях СССР, 12 погибло, 30 пропало без вести [1, л. 17].

На начало 1945 г. из требуемых по штатам 1225 руководящих советских работников реально имелось 991. Оставались не занятыми должности семи председателей райисполкомов и 176 их заместителей, 56 председателей районных плановых комиссий и т. д. Большинство этих вакансий было в восточных областях республики [1, л. 17].